Стенограмма Большой пресс-конференции Президента России Владимира Путина

III

ские военнослужащие и российские боевики, которые всё это устраивают. Вопрос: сколько Вы туда отправили российских военных? Сколько Вы отправили туда техники? Сколько из них погибло на территории Украины? Вы как Верховный Главнокомандующий что бы сказали семьям погибших российских офицеров и солдат?

И, если можно, очень кратко второй вопрос. У нас был президент, его звали Виктор, он сейчас скрывается на территории Российской Федерации. В своё время он посадил номер один партии «Батькивщина» Юлию Тимошенко в тюрьму. Она там отсидела, а сейчас номер один партии БЮТ сидит, но уже в российской тюрьме.

Владимир ПУТИН:

— Что-что? Ещё раз.

Роман ЦИМБАЛЮК:

— Номер один по списку Блока Юлии Тимошенко сейчас сидит в тюрьме, в российской. У меня вопрос: при каких условиях Вы отпустите украинскую лётчицу Савченко, украинского режиссёра Олега Сенцова и ещё как минимум 30 украинских военнопленных, которых вы удерживаете на территории России в различных СИЗО?

Владимир ПУТИН:

— Начнём с последнего вопроса, а потом я, безусловно, отвечу и на Ваш первый вопрос. Последний вопрос по гражданке Савченко, при каких условиях она может быть отпущена. Я здесь занимаю абсолютно открытую и понятную, на мой взгляд, позицию. Здесь в зале сидят коллеги тех наших журналистов (это, впрочем, и Ваши коллеги), которые погибли, исполняя свой служебный долг на юго-востоке Украины. Подчеркну, что эти люди не принимали участия ни в каких боевых действиях ни с одной стороны. Они были без оружия. Обязанность всех государственных структур, в том числе и военных структур, охранять их жизнь и здоровье, дать им возможность исполнять свой долг для распространения объективной, полноценной информации, во всяком случае, так, как они её видят. Это общепризнанный в цивилизованном мире факт. Эти люди были убиты. По данным наших правоохранительных органов, наводчиком при этом убийстве была госпожа Савченко. Если в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства выяснится, что она здесь ни при чём, что она ни в чём не виновата, она немедленно будет освобождена. Если выяснится, что она виновата и что она действительно участвовала в этом убийстве, исхожу из того, что российский суд примет соответствующее решение и она будет отбывать наказание в соответствии с решением суда. Вместе с тем заранее никто не имеет права человека объявлять виновным в совершении им какого-либо преступления, имею в виду, что в нашей стране действует принцип презумпции невиновности. Поэтому посмотрим, как будет развиваться предварительное следствие и к каким выводам придёт российский суд.

Что касается других военнослужащих, о которых Вы упомянули. Мы не считаем их никакими пленными, они содержатся у нас в наших местах лишения свободы и по ним проводится предварительное разбирательство, предварительное следствие в подозрении в причастности их к террористической деятельности. Вот это вторая часть Вашего вопроса.

Теперь первая — по поводу того, кто и за что несёт ответственность. У нас в России, собственно говоря, так же, как почти в любой другой президентской республике, за всё отвечает Президент. Что касается военнослужащих — за их судьбу отвечает Верховный Главнокомандующий. Обращаю Ваше внимание, что у нас это одно и то же лицо.

Все люди, которые по зову сердца исполняют свой долг либо добровольно принимают участие в каких-то боевых действиях, в том числе и на юго-востоке Украины, не являются наёмниками, потому что за это денег не получают.

В нашем общественном сознании то, что происходит на юго-востоке Украины, действительно карательная операция, но она проводится сегодняшними киевскими властями, а не наоборот. Ведь это не ополченцы юго-востока направили свои боевые подразделения к Киеву, а, напротив, киевские власти подогнали вооружённые силы к юго-востоку, используют систему залпового огня, артиллерию и боевую авиацию.

РИА «Новости»

На встрече с журналистами президент Владимир Путин снова вспомнил образ большого русского медведя...

В чём проблема и как из неё можно выйти? Постараюсь ответить и на этот вопрос. Проблема в том, что после совершения государственного переворота — а кто бы как ни называл и что бы по этому поводу ни говорилось, государственный переворот был совершён в Киеве, причём вооруженным путём — часть страны не согласилась с таким развитием событий.

Вместо того чтобы начать с ними хоть какой-то политический диалог, сначала начали применять правоохранительные органы, милицию. Когда это не получилось, начали применять армию. Когда и это не получилось, сегодня пытаются решить вопрос силовым способом с помощью экономической блокады.

Считаю, что этот путь абсолютно бесперспективный, вредный для судеб государственности Украины и для украинского народа. Надеюсь, что нам удастся в ходе диалога — а мы готовы выступать здесь как посредники — выйти всё-таки на прямой именно политический диалог и этими способами, этими политическими инструментами урегулировать ситуацию вплоть до восстановления единого политического пространства.

Антон ВЕРНЕЦКИЙ, Первый канал:

— Владимир Владимирович, происходящее сейчас с нашей экономикой — это расплата за Крым? Может, пора об этом честно сказать?

Владимир ПУТИН:

— **Нет, это не расплата за Крым. Это расплата, это плата, вернее, за наше естественное желание самосохраниться как нация, как цивилизация, как государство.** И вот почему. Я, уже отвечая на вопрос Вашего коллеги из НТВ, сказал, что мы после крушения Берлинской стены, после развала Советского Союза — в Послании тоже об этом говорил — абсолютно раскрылись перед нашими партнёрами. Что мы увидели?

Прямую полную поддержку терроризма на Северном Кавказе. Прямую, понимаете? Это что, партнёры разве так поступают? Я сейчас не буду вдаваться в детали, но это факт, и все это знают. По любому вопросу, что бы мы ни делали, мы всегда встречаем проблемы оппонирования и борьбу с нами.

Давайте вспомним, как страна готовилась к Олимпиаде 2014 года. С каким подъёмом, энтузиазмом мы это делали, для того чтобы устроить праздник не только для наших любителей спорта, но и для любителей спорта во всём мире.

Но ведь это же очевидный факт: были предприняты беспрецедентные попытки, явно скоординированные, дискредитировать и подготовку к Олимпиаде, и сам ход Олимпиады. Это очевидный факт. Зачем? Кому это надо? И так бесконечно.

Я приводил, знаете, на Валдайском клубе так называемом, пример и вспомнил наш наиболее узнаваемый символ — медведя, который охраняет свою тайгу. Вы знаете, в чём дело? Если продолжить такие аналогии, мне самому иногда приходит в голову мысль: может быть, мишке нашему надо посидеть спокойненько, не гонять поросят и подсвинков по тайге, а питаться ягодками, медком. Может быть, его в покое оставят?

Не оставят, потому что будут всегда стремиться к тому, чтобы посадить его на цепь. А как только удастся посадить на цепь, вырвут и зубы, и когти. В сегодняшнем понимании это силы ядерного сдерживания. Как только, не дай бог, это произойдёт, и мишка не нужен, так тайгу будут сразу прибирать.

Ведь мы же почти от официальных лиц слышали многократно, что несправедливо, что Сибирь с её неизмеримыми богатствами вся принадлежит России. Как несправедливо? А отхапать у Мексики Техас — это справедливо. А то, что мы на своей собственной земле хозяйствуем, это несправедливо, нужно раздать.

А потом, после этого, как только вырвут когти и зубы, тогда мишка вообще не нужен. Чучело из него сделают, и всё.

Поэтому дело не в Крыме. Дело в том, что мы защищаем свою самостоятельность, свой суверенитет и право на существование. Вот это мы все должны понять.

И если мы считаем, что одна из проблем, которые сегодня есть у нас, в том числе в экономике, в результате санкций, действенная, а это так и есть, из общего объёма проблем, если условно взять, процентов 25, наверное, это влияние санкций — 25–30. Но мы должны это понять. Мы хотим сохраниться и бороться, изменить, кстати, к лучшему, воспользовавшись этими явлениями сегодня, нашу структуру экономики, быть более независимыми, пройти через это или мы хотим, чтобы нашу шкуру повесили на стенку. Вот у нас какой выбор. И Крым здесь ни при чём.

Евгений РОЖКОВ, телеканал «Россия 1», «Вести»:

— С Крымом всё более-менее понятно. Вопрос, наверное, здесь только в том, сколько придётся в итоге вложить денег в его развитие после непростого украинского прошлого.

А задать хочу прежде всего самый больной и острый вопрос — про то, что происходит на востоке Украины, про то, что происходит на части Украины, которую называют сейчас Новороссией, они сами называют себя Новороссией. Какой Вам видится судьба Новороссии, этой части Украины? Верите ли Вы в успех минских договорённостей, приведут ли они к миру? Ну и, как дальше будем помогать Донбассу: так же, как сейчас, гуманитарными конвоями, или чем-то ещё?

Владимир ПУТИН:

— Я уже, по-моему, отчасти ответил на Ваш вопрос, когда отвечал на вопрос Вашего украинского коллеги. Мы исходим из того, что кризис когда-то должен быть решён, и чем быстрее, тем лучше. Первое.

Второе. Он должен решаться и быть решён политическими средствами, а не с помощью давления, всё равно какого — либо экономической блокады, либо применением вооруженных сил. И мы, конечно, будем помогать людям, как мы это делаем сейчас. Вы знаете, уже десятый гуманитарный конвой направлен. Но мы должны всё-таки исходить и из основополагающих принципов международного права, и из права людей самим решать свою судьбу.

Я ведь не случайно, это не проходная фраза, сказал, что нужно восстановить мир, политическими средствами решать. Мы исходим из того, что будет восстановлено и общеполитическое пространство. Какое оно может быть, трудно сейчас сказать. Но мне кажется, нужно к этому стремиться. К этому должны стремиться обе стороны, в этом проблема. Обе. И нужно уважать людей, которые живут на юго-востоке Украины. Нужно восстанавливать экономические связи.

Известно, что значительная часть электроэнергетики Украины работает на донбасских углях, но до сих пор не покупают. Нас просили оказать давление на юго-восток Украины, на Донбасс, с тем чтобы горняки согласились поставлять. Мы это сделали, но до сих пор не покупают. Почему? Потому что закрыли все банки, невозможно расплатиться. Мне коллеги буквально позавчера сказали: «Да, мы готовы платить. Мы перечислили предоплату». Выясняю — нет никакой предоплаты. На карточки, якобы, горнякам. Но карточки не работают. И так по каждому вопросу. Тем не менее другого пути, кроме как путь мирного урегулирования, не существует.

Что касается минских договоренностей — это очень важная часть, и мы — за их исполнение, потому что, во-первых, я был одним из инициаторов самой встречи в Минске вместе с Петром Алексеевичем Порошенко. Безусловно, Президент Украины, конечно, хочет урегулирования, и у меня нет сомнений в том, что он стремится к этому. Но он там не один. Мы сейчас слышим уже заявления других должностных лиц о том, что нужно там чуть ли ни воевать до конца, что всё может привести к какому-то общеконтинентальному кризису. Мы слышим много воинственных заявлений. Думаю, что Президент Порошенко настроен всё-таки на урегулирование, но нужны конкретные действия, нужны шаги.

Минские договоренности — нужно их соблюдать или нет? Да, нужно. Повторяю, я был одним из инициаторов. Я сейчас скажу важную вещь, смотрите, хочу, чтобы все вы об этом услышали. Наши представители в Минске подписали меморандум в сентябре, а к нему были приложены протоколы, которые определяли линию разграничения. Так вот представители Донецка эти протоколы не подписали. Вот в чём вопрос. Они с самого начала сказали: «Мы не можем». И когда мы пытались настаивать, скажу это открыто, честно, здесь такие вещи, которые общественность должна знать, нам ответили: «Не можем мы уйти из этих деревень (там три-четыре деревни, которые являются спорными), у нас там семьи живут, у нас там дети, жёны, сёстры. Мы не хотим, чтобы их там всех поубивали и поизнасиловали». Вот в чём проблема, это самое главное. Но и украинские официальные лица не отводят свои подразделения из тех пунктов, откуда они должны были бы уйти, скажем, из аэропорта Донецка. Они же там сидят.

Но знаете, какие последние события? Ополчение позволило им ротировать в аэропорту своих военнослужащих, в баню их свозило, продукты питания им посылает. Знаете, можно, конечно, улыбнуться на этот счёт, но, с другой стороны, ведь в этом есть и какой-то позитив. Может быть, в конце концов, людям удастся договориться.

Все настаивают на обмене военнопленными. Я считаю, что нужно всех поменять на всех без всяких условий. Но жизнь сложнее. Когда появляются списки, выясняется, что (во всяком случае, как нам говорят представители ополчения Донбасса) в этих списках с украинской стороны есть лица, которые были задержаны совсем не в связи с боевыми действиями на юго-востоке Украины, а где-нибудь в Херсоне или Одессе. Надо сверять эти списки. Мы тем не менее настаиваем. Я считаю, что нужно, чтобы люди до Нового года, до Рождества оказались в своих семьях, вне зависимости ни от каких других обстоятельств.

Вчера была договоренность о том, чтобы обменять 30 человек. Представители ополчения выехали на место обмена, появился представитель официальных властей Киева и сказал: «Нет, менять не будем вплоть до следующей встречи в Минске». Можно, конечно, и по этому пути пойти, но, если можно было, привезли 30 человек, то забрали бы их хотя бы. Понимаете?

Ладно, это детали. Во всяком случае, всё-таки такой позитив, в том числе и с точки зрения поиска совместного решения к исполнению минских договоренностей, — это очень важный и нужный процесс.

Сейчас договорились о том, что в ближайшее время, сегодня-завтра, в форме видеоконференции должен состояться диалог, а следующий шаг должен произойти уже на встрече в Минске. Но здесь важно ещё и другое. Важно, чтобы киевские власти тоже исполняли все свои договорённости. Была договорённость о том, что будет принят закон об амнистии. Где он? Нам всё время говорят о том, что был принят закон об особом статусе. Но он не мог действовать, этот закон, понимаете вы или нет?

> В нашем общественном сознании то, что происходит на юго-востоке Украины, действительно карательная операция, но она проводится сегодняшними киевскими властями, а не наоборот.

Потому что закон мог вступить в силу и реально начать работать только тогда, когда был бы принят другой акт об этой разделительной линии, а он так и не был принят. Поэтому нужно прекратить заниматься компиляцией. Нужно понять, что если Украина хочет восстановить мир, спокойствие и территориальную целостность, то нужно уважать людей, которые проживают на отдельных территориях страны, а уважая, вести с ними прямой, открытый, честный политический диалог, именно политический, и прекратить давление. Надеюсь, что, в конце концов, по этому пути все и пойдут.

Вероника РОМАНЕНКОВА, агентство ТАСС:

— В этом году стало ясно, что энергетическая дипломатия превратилась в ключевой фактор геополитики. Насколько оправдан разворот России на Восток, газовые контракты с Китаем и Турцией?

Просчитаны ли все подводные камни этих проектов, ведь многие до сих пор полагают, что китайский контракт нерентабелен, а «турецкий поток» поставит Россию в зависимость от Турции? У Вас есть что возразить?

Владимир ПУТИН:

— Нет, и возражать не собираюсь. Это, знаете, настолько очевидные вещи, даже спора нет никакого. Я часто слышу «разворот России на Восток». А Вы почитайте американскую аналитику. Там пишут о развороте США на Восток. Это есть или нет? Отчасти есть.

А почему? Это связано с политикой? Нет, это связано с процессами в глобальной экономике, потому что восточная часть АТР — Азиатско-Тихоокеанский регион — развивается быстрее, чем все остальные части мира, появляются новые возможности.

С точки зрения энергетики **для Китая, для Индии, для той же Японии, для Южной Кореи потребности в энергоресурсах растут семимильными шагами. Там всё развивается быстрее, чем в других регионах мира.**

Поэтому что же нам, от этого отказываться, что ли? У нас всё, что мы сейчас делаем, было запланировано давно, ещё до всяких проблем в глобальной и даже в нашей экономике. Это просто реализация того, что мы задумывали раньше.

Что касается контракта с Китаем, он не убыточный. Мы с обеих сторон, я хочу это подчеркнуть, с обеих сторон пошли на льготирование, это правда. На льготирование этого проекта пошла как китайская сторона, я сейчас не буду говорить, какое именно льготирование, там ничего необычного нет.

Просто Правительство приняло решение о том, что предоставит определённые льготы участникам этого процесса, и мы, со своей стороны, приняли решение о предоставлении определённых льгот. И проект, безусловно, стал рентабельным. Безусловно!

Тем более что мы договорились о формуле цены, которая мало чем отличается, если вообще чем-то отличается, от той формулы, которую мы применяем в отношении Европы, но с учётом коэффициентов, связанных с рынком этого региона мира. Это абсолютно нормальное дело.

И кроме всего прочего, это позволит нам, России, получая и концентрируя огромные ресурсы на начальном этапе этого проекта, не просто трубу экспортную протащить, а начать газификацию Дальнего Востока. Это позволит нам сделать ещё один очень важный шаг. Какой? Соединить западную трубопроводную газовую систему и восточную. И иметь возможность перебрасывать ресурсы с Востока на Запад и с Запада на Восток тогда, когда это будет выгодно с точки зрения мировой конъюнктуры. Чрезвычайно важная вещь.

Ну и без этого мы просто не смогли бы приступить к газификации регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири. Это абсолютно выгодная вещь. Я уж не говорю про то, что это огромная стройка, рабочие места, поступления во все уровни налоговой системы, оживление этого региона мира и наших дальневосточных регионов.

Что касается Турции, турецкая экономика тоже растёт. Она нуждается так же, как и АТР, в дополнительных энергоресурсах. Мы построили так называемый «Голубой поток» много лет назад. И сейчас турецкие партнёры ставят вопрос о том, чтобы увеличить поставки прежде всего на внутренний турецкий рынок. Что же мы, отказываться будем, что ли?

У нас все договорённости основные с ними есть, связанные с формулой цены, связанные с графиком поставок и так далее. Мы примерно представляем и знаем их потребности. Конечно, мы продадим то, что у нас есть, и то, в чём они нуждаются. Конечно, будем это делать.

Возможен ли так называемый европейский хаб на границе Турции и Греции? Это не от нас зависит. Это зависит в значительной степени от наших европейских партнёров. Хотят они иметь устойчивые, гарантированные, абсолютно понятные поставки из России энергоресурсов, в которых они крайне нуждаются, без транзитных рисков? Замечательно, мы тогда будем работать.

Тогда можно через Грецию выйти и в Македонию, можно дальше выйти в Сербию, можно опять прийти в Баумгартен, в Австрию. Не хотят? Ну и не будем. Просто вопрос в том, что дешевле и надёжнее поставок из России нет и в ближайшей исторической перспективе не предвидится.

Григорий ДУБОВИЦКИЙ, РИА «Новости»:

— Владимир Владимирович, я вернусь к теме ситуации на валютном рынке, тем более она развивается каждый день, миллион россиян это волнует. Многие эксперты, и Вы в том числе, говорили, что одной из причин такой ситуации могут быть действия валютных спекулянтов. Назывались даже конкретные компании, конкретные фамилии. Вы можете назвать этих людей, кто они, россияне или какие-то зарубежные люди? И почему не удаётся их побороть? Они так сильны или мы так слабы?

И, если позволите, второй вопрос по этой же теме: планируют ли ЦБ и Правительство такие меры, как фиксация курса рубля или деноминация рубля?

Владимир ПУТИН:

— Это то, что было сделано как раз нашими украинскими партнёрами и никакого положительного результата не принесло. То есть или заставлять продавать, Вы это имеете в виду, заставлять участников экономической деятельности, экспортёров наших основных товаров, у которых есть валютная выручка, в обязательном порядке продавать. Но завтра они придут и купят опять, как это было в Киеве, и в других странах так происходит.

Следующим шагом нужно ограничивать их в приобретении на внутреннем рынке, но так мы далеко зайдём. Поэтому ЦБ не планирует, насколько мне известно, и Правительство тоже, ограничивать наших экспортёров по таким показателям, и правильно делает.

Это не значит, что Правительство не может работать хотя бы через своих представителей в совете директоров. Понимаете, это же наши крупнейшие энергетические компании, они с госучастием прежде всего, и поэтому влияние там возможно. Но никаких директивных указаний, ограничений не планируется, и мы это делать не будем.

Что касается так называемых спекулянтов. Это не уголовно-правовое понятие — спекулянты на валютном рынке. Это могут быть иностранцы — участники валютного рынка, различные фонды, они присутствуют на российском рынке и достаточно активно работают.

Это могут быть и наши компании, и в целом, я же в самом начале говорил, это вполне соответствует практике любой рыночной экономики. Они появляются всегда, когда можно заработать денег.

Не украсть, не кого-то надуть, а именно поработать на рынке, создавая для себя благоприятную ситуацию, подталкивая, допустим, как это было в начале этого процесса, скажем, в данном случае Центральный банк Российской Федерации выходить на рынок и продавать золотовалютные резервы в надежде поддержать курс национальной валюты, проводить так называемые интервенции.

Но ЦБ остановился, и правильно сделал. Надо было, может быть, только пораньше и пожёстче это сделать, тогда не нужно было бы, может быть, ставку поднимать до 17 процентов. Но это другой вопрос, это вопрос, так сказать, вкусовой, хотя он и является весьма существенным, это правда. Ну что, я сказал, кто это такие.

Знаете, два дня назад я с некоторыми из них разговаривал по телефону, по дружбе, и задал вопрос: «Что же вы придерживаете?» Я, кстати, не заставлял ничего делать. — «Нам нужно платить по кредитам скоро». Я говорю: «Понятно. А если по сусекам поскрести, можно на рынок выйти?» Подумал, через секунду отвечает: «Три миллиарда долларов у нас есть». Три миллиарда в загашнике. Понимаете, о чём идет речь? Это же не 30 копеек. Это только у одной компании 3 миллиарда в загашнике. Так вот по 3 миллиарда, знаете, наберётся не 30, а, может быть, 300 миллиардов. Но заставлять нельзя. Всё равно руководители компаний даже с госучастием, они должны чувствовать, что будет происходить, должны обеспечить устойчивость своих компаний, а для этого Правительство должно с ними работать в тесном контакте и обеспечить их вместе с ЦБ не только валютной, но и рублёвой ликвидностью тогда, когда это им нужно.

Виктория ПРИХОДЬКО, «Московский комсомолец»:

— В ряде регионов нашей страны, в первую очередь в Москве, сокращается количество коек в больницах, соответственно, сокращается медперсонал. Как Вы к этому относитесь? Будет ли подобный эксперимент проведён на остальной территории России? Люди всё-таки опасаются, что из-за такой реформы им не будет предоставлено даже гарантированное Конституцией право на медпомощь.

Владимир ПУТИН:

— Вы знаете, Вы затронули один из ключевых вопросов нашей текущей жизни, один из фундаментальных, я бы сказал. Образование, здоровье граждан, безусловно, должны постоянно находиться в поле зрения государства и региональных властей, в данном случае московских властей.

Конечно, мы должны видеть, понимать и тонко реагировать на то, что происходит в соответствующем профессиональном сообществе. И все изменения, которые планируются и происходят, мы должны, конечно, делать в контакте с представителями в данном случае медицинской общественности. Если московские власти на каком-то этапе упустили эту часть работы, то это ошибка, и это, безусловно, надо выправлять.

Но ориентироваться прежде всего при решении вопросов развития здравоохранения или образования мы должны на что? На людей, которые пользуются услугами здравоохранения или образования. Миллионы людей ждут от нас улучшения ситуации в сфере здравоохранения. Вот на это надо ориентироваться прежде всего — на потребителей, на граждан. А граждане что говорят? Они недовольны здравоохранением, несмотря на все предпринимаемые усилия. Мы должны проанализировать, почему так происходит и что надо сделать для того, чтобы ситуацию улучшить.

V